

129

ТОРГЪ НЕВОЛЬНИКАМИ

въ Средней Азій.

Вступленіе. — Нравы туркменцевъ. — Благопріятныя условия для набѣговъ. — Что предохраняетъ отъ нихъ. — Необходимость невольничьяго торгова для туркменцевъ. — Освященіе его обычаями. — Вредъ, причиняемый набѣгами. — Мѣры противъ нихъ. — Страхъ, внушаемый хищниками. — Печальное положеніе плѣнныхъ. — Въ какихъ частяхъ страны наиболѣе развитъ торгъ. — Статистическія предположенія. — Выкупъ. — Истребленіе негоднаго товара. — Суннитскіе кушцы. — Ихъ двуличный характеръ. — Склады невольниковъ. — Условія оцѣнки. — Положеніе невольницъ. — Возможная карьера невольниковъ. — Условія торгова. — Обманы. — Корыстное лицемѣріе. — Обращеніе съ невольниками. — Отпускная. — Церемонія освобожденія. — Киргизскій обычай. — Жестокость наказаній. — Рѣдкіе случаи возвращенія. — Причины этой рѣдкости. — Сила предразсудка. — Чѣмъ обуславливается торгъ людьми. — Непростительное равнодушіе Европы.

Послѣдній пушечный выстрѣлъ побѣдоносныхъ защитниковъ американскаго Союза противъ сепаратистовъ если и не совершенно положилъ конецъ торгу невольниками на западномъ полушаріи, то все же нанесъ ему жестокой ударъ. Англійскій флагъ на водахъ восточной Африки и новѣйшее покореніе русскими всего Кавказа также значительно ослабили этотъ возмутительный торгъ среди мохамеданъ западной Азій. Безпечные расслабленные жители Востока не могутъ примириться съ уси-

ліями Европы служить человечеству, однако торговля людьми ведется у нихъ теперь съ нѣкоторою сдержанностію, можетъ быть проистекающею изъ чувства стыда, или вѣрнѣе изъ боязни привлечь вниманіе европейцевъ. Въ настоящее время торгъ людьми ведется явно и беззастѣнливо въ одной Средней Азій, въ этомъ древнемъ притонѣ азіатскаго варварства и жестокости, гдѣ ежегодно тысячи людей становятся жертвою безчеловѣчной спекуляціи. Эти жертвы не негры, стоящіе на самой низкой ступени человечества, а члены націи, славящейся изстари и донинѣ своимъ просвѣщеніемъ. Они не только промѣниваютъ свободу на рабство, но и удобства относительной цивилизаціи на ужасы полудикаго состоянія, и отрываются отъ своихъ счастливыхъ родныхъ очаговъ для того, что бы влечить жалкое существованіе въ пустынѣ. Участь этихъ невольниковъ даже тяжелѣе участи негровъ. Такъ какъ европейцы еще очень мало знакомы съ этимъ печальнымъ положеніемъ дѣль на отдаленныхъ точкахъ Средней Азій, то считаемъ не лишнимъ подѣлиться съ ними нѣкоторыми подробностями, извѣстными по личному опыту.

Въ сѣверовосточной и сѣверозападной части Ирана, можно сказать и во всей Персіи, туркменцы играютъ ту же самую роль, какую португальскіе торговцы невольниками и арабскіе торговцы слоновьею костью играютъ въ средней Африкѣ. Грабежъ и рабство болѣе или менѣе неизбѣжны повсюду, гдѣ кочующія племена живутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ цивилизованною странюю. Сыны пустыни, угнетаемые бѣдностію, надѣлены отъ природы неутолимою жаждою приключеній и способностію переносить самыя ужасныя лишения. То, въ чемъ отказываетъ имъ скупая почва родной пустыни, они идутъ искать у болѣе счастливыхъ сосѣдей и рѣдко сношенія между ними бываютъ дружескаго свойства. Ограбленный и обиженный земледѣлецъ не рѣшится преслѣдовать кочеваго разбойника, умчавшагося на прыткомъ скакунѣ по непроходимымъ пескамъ пустыни, и кочевыя племена, защищаемыя природою страны, могутъ такимъ образомъ безнаказанно подвизаться на поприщѣ грабежа и насилія.

Въ такомъ положеніи находились въ старину города на границахъ большой Сахары и аравійской степи; караваны, проходящіе послѣднею, до сихъ поръ подвергаются величайшимъ опасностямъ. Но болѣе всѣхъ страдаетъ отъ этого зла Персія, такъ какъ къ ея сѣвернымъ границамъ прилегаютъ самыя обширныя и дикія степи, въ которыхъ кочуютъ наиболѣе жестокія и варварскія изъ кочующихъ племенъ.

Древнія войны между жителями Ирана и Турана, воспѣтыя знаменитымъ пѣвцомъ шаха Намеха, въ «Книгѣ Царей», вызывались повидимому насиліями послѣднихъ. Въ пѣсняхъ говорится, что противники принадлежали къ одному племени, но мы знаемъ, что въ періодъ походовъ Александра Македонска-

го, населеніе сѣвернаго Ирана просило защитить его отъ сѣверныхъ сосѣдей, которыхъ оно описывало самыми страшными существами; вѣроятно они были монгольской расы, столь несхожей съ персидскою.

Александръ Македонскій выстроилъ прочную стѣну отъ Каспійскаго моря до горъ Курдистана, но онъ не достигъ этимъ своей цѣли. Огромная стѣна не всегда сдерживала напоръ варваровъ, точно такъ же, какъ и большая китайская стѣна. Неукротимую волною прорывали эти слабыя преграды, и ничто не могло сдержать ихъ опустошительныхъ набѣговъ, кромѣ энергической воли сильнаго государя, который, вмѣсто стѣны, могъ бы противопоставить имъ дисциплинированную армію. Это мы и видимъ въ настоящее время. Туркменцы и узбеки предпринимаютъ свои набѣги во время смуть въ прилежащія провинціи и смотря потому безпечные или энергичные люди губернаторы этихъ провинцій. Во время безпорядковъ, сопровождавшихъ водвореніе каджарской династіи, шайки туркменцевъ проникали въ своихъ набѣгахъ до самыхъ окрестностей Испагани, хотя значительное число ихъ служило уже тогда подъ знаменами Аги-Мохамедъ-хана. Въ то же время, теккесы вторгались съ сѣверовостока до самаго Сеистана. Въ настоящее время особенно страдаютъ отъ нихъ провинціи Хорассанъ и Мазендеранъ. Туркменцы начинаютъ съ того, что наводятъ справки на счетъ характера и администраціи назначеннаго губернатора, и если найдутъ въ немъ трусость и безпечность (что бываетъ нерѣдко), то принимаются дѣлать безпрестанные набѣги на беззащитную провинцію, ввѣренную его управленію. Рѣдко рѣшаются они показываться туда, гдѣ править энергичный и бдительный губернаторъ. Во время одного путешествія по Хорассану, дороги были такъ безопасны, что путешественники могли ѣздить одни по тѣмъ округамъ, гдѣ прежде самые большіе караваны проѣзжали не иначе какъ за прикрытіемъ сильнаго конвоя и артиллеріи. Губернаторъ Мохамедъ-мирза умѣлъ обуздывать кочевыхъ разбойниковъ; шпионы сообщали ему о всѣхъ ихъ движеніяхъ, и едва они появлялись, какъ на нихъ нападали въ ихъ собственныхъ притонахъ и строго наказывали. Въ Астрабадѣ, напротивъ того, гдѣ управленіе было ввѣрено человѣку слабому, вся окрестная страна была наводнена туркменцами, которые захватывали въ плѣнъ персіянъ у самыхъ городскихъ воротъ.

Между туркменцами есть племена, какъ на окраинахъ, такъ и внутри пустыни, считающія торгъ людьми такимъ необходимымъ для себя средствомъ къ жизни, что ихъ существованіе въ степи было бы невозможно, если бы ихъ лишили этого важнаго источника богатства. Для нихъ надежда «на открытые пути въ Иранъ» тоже самое, что для другихъ націй надежда «на хорошую урожай». Какъ другія націи трудятся надъ запашкою, оро-

пеніемъ и засѣваніемъ своихъ полей, такъ они надъ выѣзживаніемъ своихъ лошадей, чисткою оружія и маневрами.

Ихъ возмутительная промышленность возведена обычаемъ на степень законной торговли; они смотрятъ на нее, какъ на религиозную войну съ раскольниками, которые считаются ничѣмъ не лучше невѣрныхъ. Предпринимая набѣгъ, они публично получаютъ благословеніе служителей своей религіи, а если кто либо изъ нихъ поплатится жизнью за свои разбой (что впрочемъ случается рѣдко), того возводятъ въ мученики и надъ останками его сооружаютъ курганъ, украшенный флагами. Это мѣсто становится священнымъ и къ нему приходятъ на богомоліе, со слезами умолять о заступничествѣ духъ грабителя, возведеннаго въ святые.

Жестокія бѣдствія, претерпѣваемыя нѣкоторыми провинціями отъ набѣговъ туркменцевъ, объясняются ихъ храбростію и рѣшимостію; ни война, ни стихіи не производятъ такихъ страшныхъ опустошеній. Туркменцы не только препятствуютъ всякой торговлѣ и сообщеніямъ, но вынуждаютъ земледѣльцевъ строить себѣ укрѣпленныя башни, для того, что бы укрываться въ нихъ отъ внезапныхъ нападений во время полевыхъ работъ. Малѣйшая деревня окружена стѣною. Но и этихъ мѣръ недостаточно: разбойники являются иногда цѣлыми ордами и, взявъ осадою эти укрѣпленія, нерѣдко уводятъ въ неволю все населеніе, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, со всею ихъ движимою собственностію.

Автору этой статьи случалось бывать, въ восточномъ Хорасанѣ, въ деревняхъ, которыхъ жители проводили зиму безъ топлива, несмотря на близость лѣсовъ, потому что никто изъ нихъ не рѣшался выходить для рубки дровъ. Другіе терпятъ голодъ, потому что ихъ водяныя мельницы находятся за стѣнами селенія. Путешествіе считается самымъ опаснымъ предпріятіемъ, на которое покушаются только въ крайней необходимости, или подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя. Какъ ни печальна участь негра, заключеннаго въ тѣсной каютѣ корабля во время переѣзда изъ Африки въ Америку, но едва ли еще не ужаснѣе положеніе азіатскаго плѣнника, привязаннаго позади сѣдла хищника. Ему скручиваютъ ноги подъ животомъ лошади, его скудно кормятъ и поятъ, и влекуть такимъ образомъ много дней по утомительному степному пути далеко отъ родной земли и отъ милой семьи. Лишенія, претерпѣваемыя въ дикомъ быту подъ шатрами кочеваго племени, среди суроваго климата, тѣмъ чувствительнѣе для персіянъ, что у себя дома они привыкли къ вареной пищѣ и къ удобствамъ цивилизаціи.

Въ дополненіе всего этого, на плѣнника надѣваютъ тяжелые кандалы, неснимаемые ни днемъ, ни ночью; онъ служитъ постояннымъ предметомъ насмѣшекъ, брани и ударовъ. Въ особенности тяжело въ первое время неволи. Въ настоящее время, кражею людей занимаются одни узбеки и туркменцы, и изъ пер-

131
выхъ преимущественно кочевые жители Хивы, но только тогда, когда войны съ туркменцами приводятъ ихъ къ границамъ Ирана. Бухарцы не приближались къ этимъ границамъ съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, а коканцы, можно сказать, никогда не подходили къ нимъ. Изъ туркменцевъ, наиболѣе отличаются набѣгами теккесы и юмуть; первые добываютъ своихъ жертвъ изъ Хорассана, Герата и Сенстана, даже съ западной границы Авганистана; вторые охотятся вдоль южныхъ береговъ Каспійскаго моря. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о салорахъ и о сарикахъ, которые такъ безсильны и малочисленны, что рѣдко производятъ набѣги, но зато тѣмъ необузданнѣе. Алиемесы и корасы только изрѣдка нападаютъ на караваны индусовъ, таджиковъ и авгановъ, и то только на пути въ Бухару.

Цандоры, населяющіе низовья Окса и каспійскій берегъ, лишены почти всякой возможности торговать людьми, съ тѣхъ поръ какъ русскихъ нельзя сбывать, да и не легко ловить. Большинство невольниковъ въ Средней Азійи бывають изъ персіанъ шитовъ, преимущественно изъ тѣхъ провинцій, которыя названы выше, хотя нерѣдко попадаютъ въ плѣнъ и жители другихъ провинцій, во время войнъ или путешествій на богомоліе въ Мешедъ. Много попадаетъ также персіанъ сунитовъ изъ Хафа и Герата; послѣднихъ захватываютъ преимущественно во время полевыхъ работъ или сбора фисташекъ; авгановъ и индусовъ гораздо менѣе. Даже османлисы и арабы, къ которымъ питають большое уваженіе, продаются въ рабство, но, на сколько извѣстно, ихъ находится въ неволѣ не болѣе четырехъ или шести человекъ. Одни евреи, пользующіеся репутаціею колдуновъ, внушаютъ туркменцамъ слишкомъ сильное отвращеніе, что бы быть годнымъ для продажи товаромъ.

Трудно опредѣлить число людей, увлекаемыхъ такимъ образомъ ежегодно въ рабство, потому что, какъ уже сказано, оно мѣняется сообразно съ положеніемъ дѣлъ въ Персіи. Не легче также сказать, много ли ихъ проживаетъ въ настоящее время въ неволѣ. Не всѣ, попадающіе въ руки туркменцевъ, отсылаются на продажу въ хаинства. Принимая въ соображеніе распредѣленіе собственности въ Иранѣ, можно предположить, что около одной трети лицъ, захваченныхъ въ Мазендеранѣ и по берегамъ Каспійскаго моря, выкупается. Это чистый барышъ для кочевыхъ разбойниковъ, потому что такимъ образомъ они, во первыхъ, избѣгаютъ расходовъ на продолжительное содержаніе своего товара; во вторыхъ, избѣгаютъ коммерческаго риска, потому что если его невольникъ окажется съ какимъ нибудь важнымъ физическимъ недостаткомъ, то ему не сбыть его на рынкѣ. Конечно, пропорція выкупаемыхъ не вездѣ одинакова; большая часть добычи бывають люди бѣдные, наиболѣе рискующіе попасть въ руки разбойниковъ во

время полевыхъ работъ; они, разумѣется, рѣдко выкупаются. Если въ Мазендеранѣ выкупается третья часть, то въ такихъ бѣдныхъ провинціяхъ, какъ Хороссанъ и Сеистанъ, слѣдуетъ предположить гораздо менѣе. По разсказу одного туркменца, посѣдившаго въ торговлѣ невольниками, изъ этихъ областей выкупается едва ли десятая часть; остальные препровождаются на рынки въ ханства. Туркменцы никогда не оставляютъ невольниковъ при себѣ, исключая если они стары или калѣки, но и то не на столько, что бы не быть въ состояніи зарабатывать себѣ свое скудное пропитаніе; въ противномъ случаѣ, ихъ безошадно убиваютъ. Дѣти воспитываются туркменцами, и становятся потомъ такими же дикими разбойниками, какъ и они сами. Случается также, что черноглазая красавица Ирана такъ понравится своему владѣльцу, что онъ не рѣшается разстаться съ нею; впрочемъ, такіе случаи весьма рѣдки, потому что туркменскіе купцы отъявленные скряги. Такъ какъ пріятель они лишены той деликатности, какую отличаютъ торговцы кавказскими гуріями, то гаремы Хивы и Бухары получаютъ много цвѣтковъ, утратившихъ свою свѣжесть въ рукахъ туркменцевъ. Персіане, живущіе въ степяхъ вмѣстѣ съ кочующими племенами, ничѣмъ не лучше ихъ: это обыкновенно бѣглецы преступники, продолжающіе свою разбойничью жизнь въ компаніи степныхъ хищниковъ.

Хищники имѣютъ обыкновеніе не держать при себѣ своей добычи долѣе двухъ, трехъ дней. Они препровождаютъ ее къ торговцамъ невольниками, которые уже впередъ снабжаютъ ихъ, въ видѣ задатка, деньгами и провизією. Эти безсовѣстные ростовщики получаютъ огромные барыши отъ своей возмутительной промышленности, такъ какъ хищники бываютъ большею частію людьми распутными, которые, вопреки обычаю кочующихъ племенъ, тотчасъ проматываютъ пріобрѣтенныя деньги на грубыя удовольствія. Торговцы невольниками бываютъ двухъ родовъ: туркменцы, ведущіе торговлю между степнымъ населеніемъ и ханствами; они обыкновенно выжидаютъ, пока въ ихъ рукахъ не накопится отъ 30 до 50 человекъ невольниковъ, и тогда везутъ ихъ караваномъ въ Хиву или Бухару, а пока отдаютъ свой человѣческій товаръ въ наймы, для поденной работы, что бы покрыть расходы на его содержаніе, и сунниты, живущіе на персидской границѣ. Послѣдніе самые отвратительные изъ этого рода промышленниковъ; это люди весьма оригинальнаго и двусмысленнаго характера. Съ одной стороны, они исполняютъ роль факторовъ у персіанъ, и наводятъ для нихъ справки о тѣхъ, кто находится въ неволѣ, въ степяхъ или въ ханствахъ; съ другой, они служатъ самыми полезными шпионами хищниковъ, которымъ они доставляютъ вѣрныя свѣдѣнія о деревняхъ и о караванахъ. Многіе изъ нихъ, въ особенности изъ живущихъ на восточной границѣ Персіи, имѣютъ

132

домы для принятія невольниковъ въ Гератъ, Мейменъ и Бухаръ, и разъ въ году они отправляются на рынокъ, веди съ собою на торгъ толпу злополучныхъ невольниковъ обоихъ половъ, а, возвращаясь оттуда, приводятъ множество плѣнныхъ, выкупленныхъ благодаря ихъ посредничеству. Они по три раза берутъ у семействъ несчастныхъ жертвъ сумму требуемаго выкупа, увѣряя, что не могутъ найти того, кого нужно, или что не могутъ убѣдить владѣльца возвратитъ невольника за выкупъ, хотя имъ въ точности извѣстно, гдѣ онъ находится, и хотя они давно уже договорились въ цѣнѣ съ владѣльцемъ. Любопытно наблюдать, какъ легко мѣняютъ эти люди свои чувства, вѣрованія, политическія убѣжденія, сообразуясь съ обстоятельствами. На пути въ Бухару, они, играя роль рабовладѣльцевъ, становятся ревностными бухарцами, бранятъ еретиковъ шійтовъ, и утверждаютъ, что персидскіе невольники вполне заслуживаютъ свою участь; на обратномъ же пути въ Иранъ, играя роль выкупщиковъ, они кричатъ о жестокости и варварствѣ бухарцевъ, оплакиваютъ горькими слезами участь злополучныхъ персіянъ, словомъ—становятся самыми сострадательными людьми въ мірѣ.

Въ караванѣ, въ которомъ авторъ статьи ѣхалъ изъ Бухары въ Гератъ, находилось два такіе торговцы невольниками, возвращавшіеся изъ Хары и Кайна. Оба они титуловались хаджами, или потомками пророка, и не мало гордились этимъ. Съ выкупленными ими невольниками они обращались безпримѣрно нѣжно и заботливо, а между тѣмъ эти же самые люди, какъ сказалъ мнѣ начальникъ каравана, увели въ неволю, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, большую толпу несчастныхъ жертвъ. Въ Хивѣ и Бухарѣ, торговцы невольниками, называемые тамъ *догмафурами*, образуютъ особый цехъ. Замѣчательно, что это большею частію сарты, таджики и отпущенные на волю персіяне, и очень рѣдко узбеки, или люди другихъ племенъ турецкотатарской расы. Торги происходятъ или въ складахъ торговцевъ, или гдѣ нибудь на рыночной площади, за городомъ, куда товаръ препровождается за нѣсколько дней. Главные склады находятся въ ханствахъ, въ Хивѣ; важнѣйшій въ столицѣ, затѣмъ въ Гезареспѣ, въ Бязаватѣ, въ Гурленѣ и въ Кохнѣ. Сверхъ того, въ каждомъ значительномъ мѣстечкѣ имѣется розничный торговецъ, состоящій въ сношеніяхъ съ гуртовщиками, или продающій товаръ на комиссію. Въ Бухарѣ, главный торгъ ведется въ Каракулѣ и въ столицѣ; затѣмъ въ Корсѣ и Чихарджуѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что, къ востоку отъ Самарканда, эта возмутительная торговля замѣтно выводится, такъ что въ Коканскомъ ханствѣ уже не встрѣчается купцовъ, ведущихъ крупный торгъ людьми, и большая часть находящихся тамъ невольниковъ куплена на бухарской землѣ. Благодаря распространенію русской власти, въ степяхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ

ханствѣ, невольники встрѣчаются только въ видѣ предметовъ роскоши въ домахъ богатыхъ людей *).

Цѣны на невольниковъ измѣняются на среднеазіятскихъ рынкахъ, какъ и цѣны на всякій товаръ, смотря по количеству прилившаго заразы товара, обыкновенно меньшему въ мирное время и большому въ военное. Различіе цѣнъ на мужчинъ одного возраста обуславливается ихъ физическими свойствами и національнію. Наиболѣе предпочитаютъ турки изъ сѣверной Персіи, какъ потому, что они скорѣе выучиваются понимать турецкія нарѣчія Средней Азіи, схожія съ ихъ собственнымъ, такъ и потому, что они болѣе сильнаго тѣлосложенія, и привычнѣе къ тяжелому труду, чѣмъ другіе жители Ирана. Дешевле всѣхъ цѣнятся авганы, не только по ихъ крайнему отвращенію къ тяжелой работѣ, но и по ихъ мстительному характеру, навлекающему иногда весьма неприятныя послѣдствія на слишкомъ суроваго владѣльца. Что касается до женщинъ невольницъ, то онѣ далеко не пользуются тѣмъ положеніемъ, какое имѣютъ черкешенки и грузинки въ турецкихъ и персидскихъ гаремахъ.

Положеніе персидскихъ невольницъ скорѣе можно сравнить съ положеніемъ негритянокъ въ другихъ краяхъ; почему?—объяснить негрудно. Дочери Туркестана болѣе соотвѣтствуютъ понятіямъ узбековъ и таджиковъ о женской красотѣ, чѣмъ иранскія женщины, которыя, при своемъ оливковомъ цвѣтѣ лица и широкихъ носахъ, никогда не перебили бы парисова яблока у красивыхъ круглолицыхъ женъ узбековъ. Притомъ же, бѣдность не позволяетъ жителямъ Средней Азіи вдаваться въ полигамію въ той же мѣрѣ, какъ это дѣлаютъ западные мусульмане. Слѣдуетъ еще прибавить, что узбеки вообще слишкомъ горды, что бы раздѣлять ложе съ рабынею, купленною за деньги. Въ Бухарѣ встрѣчаются правда примѣры противнаго, но единственно между высшими должностными лицами, и тѣ берутъ только такихъ женщинъ, которыя были въ дѣтствѣ привезены въ страну. Въ среднемъ сословіи, такіе неравные браки составляютъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. Браки заключаются здѣсь гораздо легче, нежели у другихъ, мохамеданъ, и невольницъ держатъ только какъ предметы роскоши въ гаремахъ знатныхъ людей, или какъ домашнюю прислугу. Иное дѣло невольники. Ежегодный контингентъ рабочихъ рукъ сдѣлался необходимостію въ экономическомъ положеніи узбековъ, питающихся отвращеніемъ къ земледѣльческому труду; безъ невольничьяго труда, они не могли бы извлекать изъ своей почвы достаточныхъ средствъ къ существованію: это доказывается уже тѣмъ фактомъ, что цѣны на хлѣбъ на рынкахъ Средней Азіи обуславливаются не только повышеніемъ или пониженіемъ воды въ Оксѣ, но и большимъ или меньшимъ развитіемъ тор-

*) Статья эта писана до послѣднихъ событій въ Средней Азіи.

133

га невольниками въ томъ году. Рабовъ употребляютъ преимущественно для земледѣлія и для ухода за скотомъ; чѣмъ больше земли у узбека, тѣмъ большее число невольниковъ требуется ему. Въ странѣ, подобной Туркестану, гдѣ преобладаетъ военный элементъ и гдѣ всякій свободный человѣкъ, по врожденной ли наклонности или изъ политической необходимости, охотнѣе берется за оружіе, чѣмъ за плугъ, необходимо, что бы руки, отвлекаемыя отъ производительнаго труда грабежомъ и убійствомъ, замѣнялись другими, привычными къ работѣ. Это лучше всего доказывается тѣмъ фактомъ, что число невольниковъ значительнѣе въ округахъ, наиболѣе преданныхъ военному ремеслу. Въ этомъ отношеніи Хива стоитъ на первомъ мѣстѣ между тремя ханствами; затѣмъ Бухара и наконецъ Коканъ. Въ Хивѣ узбеки составляютъ большую часть населенія, и такъ какъ они окружены со всѣхъ сторонъ кочующими племенами, то имъ приходится вести безпрерывныя войны, и они чаще двухъ другихъ ханствъ находятся въ анархическомъ состояніи. Въ Бухарѣ, гдѣ къ населенію примѣшано много миролюбивыхъ таджиковъ, положеніе дѣль прочнѣе, благодаря давно установленному и лучше организованному правительству. Въ Коканѣ, гдѣ также много таджиковъ, войны рѣдки, благодаря извѣстной трусости населенія, а если и случаются, то далеко не имѣютъ такого опустошительнаго характера, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Наибольшее число невольниковъ употребляется, въ качествѣ частныхъ служителей, правительственными лицами (сипаги) и даже самими ханями. Впрочемъ, для этой цѣли избираются только такіе, которые съ раннихъ лѣтъ привезены въ Среднюю Азію; ихъ воспитываютъ совершенно такъ же, какъ и узбековъ, и на нихъ остается мало слѣдовъ рабскаго состоянія, кромѣ позорнаго названія *кулъ* (рабъ). Они, подобно кавказскимъ невольникамъ въ Турціи, нерѣдко достигаютъ высшихъ административныхъ должностей, такъ какъ врожденная персіянамъ смѣтливость даетъ имъ перевѣсъ надъ ихъ соперниками, узбеками. Теперь многіе изъ тѣхъ, кто были проданы въ ханства въ неволю, управляютъ цѣлыми провинціями. Въ Бухарѣ, гдѣ преобладающій персидскій элементъ уже идетъ почти рядомъ съ узбекскою аристократіею, эмиры нерѣдко женятся на невольницахъ. Мать настоящаго эмира и одна изъ его жень иранскаго происхожденія.

Первымъ условіемъ при покупкѣ невольника требуется сильное тѣлосложеніе; но цѣна на него возрастаетъ, если въ послѣдствіи окажется, что у него хорошій характеръ. Продавецъ обязанъ его взять обратно, если въ теченіе трехъ дней у него окажется какой нибудь скрытый физическій недостатокъ; несмотря на то, что покущикъ осматриваетъ его на рынкѣ, какъ скотину, заставляя показывать силу своихъ рукъ, груди, спины и голоса, продавецъ всетаки умѣетъ обмануть его. Очень

трудно, напримѣръ, узнать возрастъ персидскаго невольника; туркменцы, слѣдую персидскому обычаю, красятъ бороды своихъ невольниковъ, если они начинаютъ сѣдѣть, такъ что можно ошибиться лѣтъ на 20, даже на 30, и случается, что невольникъ, проданный молодежавымъ и чернобородымъ, оказывается черезъ нѣсколько дней сѣдымъ старикомъ. Совершать такіе обманы нетрудно, потому что невольникъ, запуганный угрозами и дурнымъ обращеніемъ, не дѣлаетъ ни малѣйшаго возраженія своимъ властителямъ туркменцамъ. Это преимущественно относится къ невольникамъ сунитской секты. Такъ какъ они исповѣдуютъ одну вѣру съ народами Средней Азии, то, по законамъ этой религіи, ихъ нельзя обращать въ рабство, но торговцы заставляютъ ихъ угрозами отречься отъ своей вѣры. Среднеазіятець, покупая авгана или герата, очень хорошо знаетъ, что его принудили отказаться отъ своей вѣры, но, тѣмъ не менѣе, онъ покупаетъ его, и дѣлаетъ своимъ рабомъ. Авторъ видѣлъ, въ Хивѣ и Бухарѣ, сунитскихъ невольниковъ, даже въ домахъ мулловъ, славившихся своею ученостію и набожностію, и когда я спрашивалъ, зачѣмъ они нарушаютъ такимъ образомъ правила своей религіи, то они отвѣчали мнѣ: «Когда я купилъ его, онъ былъ шиитомъ, а если онъ теперь сталъ сунитомъ, то это слѣдуетъ приписать влиянію священной земли Туркестана.»

Но перейдемъ теперь отъ подробностей торгова невольниками къ самому положенію невольника. Самое тяжкое время для него то, когда его только что возьмутъ въ плѣнъ. Полудикіе грубые туранцы, самое имя которыхъ осмѣивается въ Иранѣ, обращаются съ персіяниномъ, столь справедливо гордящимся своею цивилизаціею, какъ съ животнымъ низшаго разряда. Персіянинъ, съ дѣтства привыкшій къ утонченной вѣжливости, къ цвѣтистой, изящной рѣчи, долженъ не мало страдать нравственно, при первомъ соприкосновеніи съ грубыми привычками и обращеніемъ туркменцевъ. Но физическія страданія его не слишкомъ тяжелы. Большинство рабовъ, предназначенныхъ для земледѣльческихъ работъ, обыкновенно приобретаютъ хорошимъ поведеніемъ довѣріе и любовь своихъ господъ. Если, въ продолженіе года, невольникъ не навлекъ на себя наказанія, то на него начинаютъ смотрѣть, какъ на члена семьи. Многіе получаютъ даже въ послѣдствіи или ежемѣсячное жалованіе, или долю въ доходѣ съ земли или со скота, ввѣренныхъ ихъ заботамъ. Такъ какъ персіяне вообще дѣятельнѣе и умѣреннѣе своихъ сосѣдей туранцевъ, то невольники въ Туркестанѣ сколачиваютъ себѣ весьма скоро небольшой капиталецъ; большинство употребляетъ его на выкупъ себя изъ рабства, на что они имѣютъ право послѣ семилѣтняго срока службы, который иногда сокращается, во вниманіе къ особенному усердію или просто по добротѣ владѣльца. Невольника дарятъ азадомъ (от-

пускною), какъ мы даримъ чѣмъ нибудь вѣрнаго слугу; эта бумага получаетъ утвержденіе кади и свѣтскаго начальства, и невольникъ становится свободнымъ. Актъ освобожденія повсюду сопровождается нѣкоторою торжественностію; приглашаютъ гостей, убиваютъ барановъ, и освобожденный цѣлуется по очереди со всѣми членами хозяйской семьи, мужскаго пола; потомъ онъ садится на одинъ коверъ со своимъ хозяиномъ, и тутъ ему объявляется свобода. У киргизовъ водился обычай, что бы хозяинъ затыкалъ при этомъ бѣлую кость за поясъ освобожденнаго, въ знакъ того, что онъ возводится изъ «чернокостнаго» (раба) въ «бѣлокостнаго» (благороднаго) человека.

Такимъ образомъ поступаютъ съ покорными и добропорядочными невольниками. Но если рабъ выказываетъ противоположныя качества, то варварство и жестокость узбековъ проявляются во всемъ блескѣ. Волосы становятся дыбомъ, когда читаешь списокъ наказаній, употребляемыхъ для того, что бы привести въ повиновеніе непокорнаго раба, надъ которымъ владылецъ имѣетъ право жизни и смерти.

Впрочемъ, рѣдко случается, что бы раба убивали, потому что такимъ образомъ терялись бы всѣ заплаченные за него деньги; но истязанія, которымъ его подвергаютъ, хуже самой смерти. Многихъ держать цѣлые годы на хлѣбѣ и водѣ, среди страшныхъ пустынь; другихъ, за нѣсколько дней до истеченія семилѣтняго срока, снова продаютъ, но уже не въ ханствахъ, гдѣ ихъ никто не купилъ бы, зная ихъ характеръ. Въ такихъ случаяхъ, обманутою жертвою обыкновенно бываетъ киргизъ, неопытный въ продѣлкахъ торга невольниками. Такимъ образомъ перепроданный персіянинъ переходитъ изъ горюдовъ въ сѣверныя степи, откуда онъ, даже освобожденный, уже рѣдко возвращается на родину.

Замѣчательно то, что изъ огромнаго числа персидскихъ невольниковъ, вывозимаго въ Среднюю Азію, едва половина освободившихся возвращаются въ послѣдствіи въ свое отечество, и тѣ вынуждаются къ этому только или необходимостію привести въ порядокъ свои домашнія дѣла, или не преодолимою тоскою по родинѣ. Тотъ, кто прожилъ 18 лѣтъ въ Туркестанѣ, рѣдко промѣниваетъ его на Персію. Выше уже сказано, что въ рабство попадаютъ большею частію люди бѣдные, которые, обезпечивъ себѣ средства къ жизни въ Туркестанѣ, или приобрѣта какую нибудь собственность, рѣдко помышляютъ о возвращеніи въ родимый край, гдѣ существованіе гораздо труднѣе, въ слѣдствіе общихъ условій промышленности и труда; гдѣ жизнь гораздо дороже; гдѣ роскошь богатыхъ пробуждаетъ неудовлетворимыя желанія въ душѣ бѣдняковъ, непробудно спящихъ среди первобытной простоты ханствъ. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что и освобожденный невольникъ никогда не избавляется со-

вершено отъ унижительнаго впечатла, оставляемаго словомъ *кулъ*, какъ бы ни было велико накопленное имъ богатство, или высоко достигнутое положеніе. Какую бы роскошію ни окружалъ себя бывшій *кулъ*, ему не получить руки свободной дочери узбека; самая бѣдная съ негодованіемъ отвергнетъ его предложеніе. Авторъ видѣлъ примѣръ, какъ одинъ узбекъ отказалъ кулу въ рукѣ своей дочери, хотя самъ ханъ требовалъ этого брака: узбекъ предпочелъ навлечь на себя гнѣвъ государя, чѣмъ назвать зятемъ бывшаго раба. Даже ханзады (невольничьи дѣти), которыхъ не дозволяется продавать *), могутъ жениться только на дочерахъ освобожденныхъ невольниковъ, или сартовъ. Только въ четвертомъ поколѣніи, пятно, оставляемое словомъ *кулъ*, нѣсколько стирается, но и то несовершенно. Въ Средней Азіи, гдѣ храбрость считается высшею добродѣтелию, невольникъ, нерѣшившійся предпочесть смерть рабству, считается крайнимъ трусомъ, и этотъ порокъ никогда ему не прощается. Это понятіе усиливается непомѣрною аристократическою гордостію, отличающею татаръ, и кочевыхъ, и осѣдыхъ; они презираютъ не только чужеземныхъ персіянъ, но и своихъ соотечественниковъ, таджиковъ, населявшихъ прежде ихъ Туркестанъ.

Разумѣется, на освобожденномъ невольникѣ остается только нравственный слѣдъ рабства; что касается до его гражданскихъ правъ, то онъ пользуется въ ханствахъ покровительствомъ закона наравнѣ со всѣми; поэтому, такъ какъ сыновья Востока самые привычливые изъ людей, персіянинъ привыкаетъ къ Туркестану, который внушалъ ему когда то презрѣніе и ужасъ, какъ къ отечеству, и остается жить въ немъ, изрѣдка развѣ совершая поѣздку въ Иранъ, посѣтить родственниковъ или поклониться праху какого нибудь святаго шіита. Къ сожалѣнію, хорошее положеніе невольника въ матеріальномъ отношеніи служитъ предлогомъ, для мохамеданъ Средней Азіи оправдывать возмутительный торгъ человѣческими существами. Вы часто слышите въ Туркестанѣ и въ Турціи: «Сыны и дочери дикихъ черкесовъ были бѣдняками, въ своемъ родномъ краю, едва имѣли насущный хлѣбъ въ своихъ свободныхъ горахъ, а у насъ они сдѣлались богатыми, чиновными, пашами, принцессами, имѣющими вліяніе даже на политику правительства». Затѣмъ вамъ рассказываютъ, какъ кротко обходятся съ невольниками въ домахъ знатныхъ людей, гдѣ ихъ считаютъ почти членами семьи: но забываютъ только, что все это исключительные случаи, зависящіе большею частію отъ смаз-

*) Продажа ханзады считается позорнымъ поступкомъ, и тотъ, кто совершитъ ее, клеймится названіемъ вора и разбойника.

ливой наружности нѣкоторыхъ счастливецъ; а что дѣлается съ большинствомъ, неспособнымъ плѣнить своихъ господъ физическою красотою, и обязаннымъ переносить ихъ варварскій деспотизмъ, или безъ отдыха исполнять самыя тяжкія труды? Всего этого не принимаютъ въ соображеніе, точно такъ же, какъ и врожденной жестокости торговца, отрывающаго своихъ жертвъ отъ роднаго крова и близкихъ людей. Немногіе заботятся на берегахъ Босфора и Окса о томъ, что бы вникнуть во всѣ ужасы этой первой минуты разлуки. Сколько сиротъ, вдовъ, беспомощныхъ стариковъ, проливаютъ слезы отчаянія по своимъ кормильцамъ, увлеченнымъ въ рабство! Трудно изобразить горестное положеніе деревень и округовъ, подверженныхъ этому страшному бѣдствию; путешественникъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу печальные слѣды разоренія, и, какова бы ни была увѣренность въ будущемъ матеріальномъ благоденствіи невольника, нельзя не сказать себѣ, что торгъ невольниками есть самый возмутительный изъ промысловъ, и что искорененіе его есть священнѣйшая и главнѣйшая обязанность западной цивилизаціи.

Въ Средней Азійи искорененіе этого обычая легче, чѣмъ можно подумать при поверхностномъ взглядѣ. Корень этого зла лежитъ не столько въ туркменцахъ, сколько въ жителяхъ городовъ; всякое кочевое племя займется невольничьимъ торгомъ, если найдетъ сбытъ товара у осѣдлыхъ племенъ. Если бедуины и арабы никогда не торговали людьми, то это потому только, что рынки сосѣднихъ городовъ были заперты исламизмомъ для сбыта этого товара. Точно также и туркменцы перестанутъ вести торгъ людьми, если онъ будетъ запрещенъ закономъ въ ханствахъ. Мы видимъ примѣръ этому на джемсидахъ, фикускугисахъ и гезаредахъ. Такъ какъ провозъ невольниковъ въ Бухару затрудняется для нихъ туркменскими племенами, а въ Гератѣ ими воспрещено торговать, то имъ пришлось или отказать отъ этой торговли, или вступить въ весьма невыгодную для нихъ сдѣлку съ туркменцами. Губернаторъ Хорассана, Мирадъ-мирза, человекъ весьма просвѣщенный, высказалъ автору однажды свое удивленіе тому, что Англія, тратящая большія суммы на прекращеніе торга людьми въ Африкѣ, такъ безучастно смотритъ на то же самое зло въ Средней Азійи, опустошающее страну, послужившую самой Европѣ своею древнею цивилизаціею. Нельзя не надивиться равнодушію Европы въ этомъ дѣлѣ; но успѣхи Россіи въ Средней Азійи положить предѣлъ тамошнему торгу невольниками.

Ст. Гулишамбаровъ.

КЪ СОРОКОЛѢТІЮ

уничтоженія

НЕВОЛЬНИЧЕСТВА

въ Средней Азіи

12 іюня 1873 г.—12 іюня 1913 г.

АСХАБАДЪ

ЭЛЕКТРОПЕЧАТНЯ З. Д. ДЖАВРОВА.
1913

Содержаніе.

Манифестъ Хивинскаго хана объ уничтоженіи невольничества	1
Проф. Вамбери въ роли дервиша и характеристика Средне-Азіатской жизни	5
Похищеніе офицерши и выкупъ ея на счетъ Императора Александра I.	8
Разгромъ каравана	10
Жестокіе нравы и пирамида череповъ	12
Казнь англичанъ въ Бухарѣ	14
Аламанство туркменъ и ихъ жестокость	18
Контингентъ невольниковъ	25
Казнь военноплѣнныхъ, четырехголовые и сорокоголовые халаты	32
Невольничье дѣло въ Бухарѣ	37
Цѣна на невольниковъ и таможенная пошлина на нихъ	39
Примѣры безправія	41
Распространеніе русскаго владычества въ Средней-Азійи.	45
Побѣды русскаго оружія въ Бухарѣ и Хивѣ	47
Уничтоженіе невольничества въ Бухарѣ	51
Прекращеніе аламанства въ Туркменіи.	52

Жъ сорокалѣтїю
уничтоженїя
невольничества

въ Средней-Азїи.

12 іюня 1873—12 іюня 1913 г. г.

„Свѣжо преданїе, а вѣ-
рится съ трудомъ“.

Ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ
12 іюня 1873 г., т. е. черезъ двѣ
недѣли послѣ рѣшительнаго пора-
женїя, нанесеннаго генераломъ
фонъ-Кауфманомъ хивинцамъ, на
главныхъ базарахъ и площадяхъ
столицы ханства—Хивы—глашатаи
возвѣщали народу слѣдующій ма-
нифестъ:

„Я, Сеидъ Мухамедъ Рахимъ Богодуръ ханъ, во имя глубокаго уваженія къ Русскому Императору, повелѣваю вѣмъ моимъ подданнымъ предоставить вѣмъ рабамъ моего ханства полную свободу. Отнынѣ рабство въ моемъ ханствѣ уничтожается на вѣчныя времена. Пусть это человеколюбивое дѣло послужитъ залогомъ вѣчной дружбы и уваженія всего славнаго моего народа къ великому народу Русскому.

Немедленно началось въ Хивѣ освобожденіе около сорока тысячъ закованныхъ въ цѣпяхъ русскихъ и персіянъ, томившихся либо въ ужасающихъ азіатскихъ тюрмахъ, либо на каторжныхъ работахъ.

Этотъ знаменательный актъ, обязанный великодушному почину Государя Императора Александра II, заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ именно въ Хивѣ, за почти сорокалѣтнее ея существованіе, невольничество всегда имѣло право гражданства, народъ такъ сжился и сроднился съ этимъ яв-

леніемъ, что оно нисколько не казалось ему позорнымъ, а, напротивъ, считалось въ порядкѣ вещей, установленномъ самимъ Богомъ и освященномъ преданіями глубокой старины.

Много усилій стоило Россіи добиться этого акта, много жертвъ она принесла въ продолженіе ряда вѣковъ и только сорокъ лѣтъ тому назадъ она добилась своей цѣли—уничтожила повсемѣстно господствовавшее здѣсь право сильнаго и связанную съ нимъ необезпеченность жизни и достоинства личности.

Читая описанія рабства въ Средней Азіи, гдѣ вѣроятно и теперь найдется въ живыхъ не мало бывшихъ невольниковъ и бывшихъ рабовладѣльцевъ, пережившихъ невѣроятные ужасы позорной купли-продажи себѣ подобныхъ,—невольно напрашивается сопоставленіе того, что было и былъемъ поросло, съ тѣмъ, что есть теперь, когда никому не приходитъ въ голову возможность возврата къ ста-

рому, точно этому старому не сорокъ лѣтъ, а сорокъ вѣковъ.

Сорокъ лѣтъ—это мигъ въ жизни народа или страны, особенно такой древней, какъ нашъ край, видѣвшій много разныхъ видовъ, но и за этотъ короткій промежутокъ времени онъ столько пережилъ и почувствовалъ, такъ новая жизнь отличается отъ жизни всего полвѣка тому назадъ, что невольно приходитъ въ голову известный стихъ Грибоѣдова: „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“.

Вопросъ о невольничествѣ въ Средней Азіи имѣетъ громадное историческое значеніе, но, къ сожалѣнію, я не имѣю возможности посвятить ему столько времени, сколько онъ того заслуживаетъ.

Въ настоящей газетной статьѣ я хочу только подчеркнуть сорокавую годовщину этого хотя и почти забытаго, но тѣмъ не менѣе великаго событія и вызвать въ краѣ благодарное чувство къ Царю-Освободителю и вѣрному исполните-

лю Его предначертаній—къ генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману.

За неимѣніемъ времени и не претендуя на цѣльность изложенія, я привожу лишь нѣкоторые отрывочные факты характеризующіе невольничество въ Средней Азіи, со словъ нѣсколькихъ авторовъ и особенно много со словъ Г. Вамбери, наиболѣе поздняго и наиболѣе всесторонняго изслѣдователя жизни и исторіи Средней Азіи.

II.

Въ 1863 г., венгерскій профессоръ Гер. Вамбери, побуждаемый страстнымъ желаніемъ установить путемъ практическаго изученія живыхъ языковъ Востока степень сродства между венгерскимъ языкомъ и тюрко-татарскими нарѣчіями Средней Азіи, вздумалъ предпринять очень опасное путешествіе черезъ Персію и туркменскія земли въ Хиву, Бухару, Самаркандъ, Герать и др. сопредѣльные пункты Центральной Азіи, но такъ какъ къ этимъ мѣстамъ европейцы не имѣли свободнаго доступа, то Вам-

бери, изучивъ въ совершенствѣ турецкій, арабскій, персидскій и др. восточные языки, а также ко-ранъ и обязанности мусульманскаго духовенства, переодѣлся въ руба-бища дервиша и пошелъ скитать-ся то пѣшкомъ, то на ослѣ, то на верблюдѣ по упомянутымъ негосте-пріимнымъ землямъ, ежеминутно рискуя быть узаннымъ и подверг-нутымъ мучительной казни.

Къ счастью для науки, Вамбери пропутешествовалъ такимъ эксцент-рическимъ способомъ около года, успѣшно выполнилъ свою лингви-стическую задачу и, кромѣ того, написалъ исторію Трансоксаніи и въ живыхъ образахъ повѣдалъ міру много интересныхъ свѣдѣній изъ жизни и быта разноплеменныхъ аборигеновъ страны. *„Гдѣ по его словамъ, слушать считается без-стыдствомъ, спрашивать — престу-пленіе, а записывать смерт-ный грѣхъ“*.

Страну эту, видѣвшую у себя Семирамиду, Александра-Македон-скаго, Чингисхана, Тамерлана и

110

другихъ героевъ сѣдой древности и давно пережившукъ золотой вѣкъ своего расцвѣта, Вамбери засталъ въ періодъ нравственнаго разложенія: „Тиранское своеволие завоевателей не только опустошило здѣсь, какъ и вездѣ, обработанныя поля, но и вырвало съ корнемъ изъ души человѣка всякій слѣдъ благородныхъ чувствъ. Средняя Азія въ настоящее время—отвратительная лужа всѣхъ тѣхъ пороковъ, которые порознь встрѣчаются въ магометанскихъ земляхъ Западной Азіи“.

Однимъ изъ такихъ пороковъ, безъ сомнѣнія, должно считаться невольничество, широко раскинувшееся по всей обширной территоріи Средней Азіи. Контингентъ невольниковъ пополнялся захваченными врасплохъ персами и русскими, а охотниками за ними являлись преимущественно туркмены, занимавшіе почти все восточное побережье Каспія и наводившіе ужасъ не только на сосѣднія земли Персіи, а на сѣверъ—рус-

скія владѣнія, но и на морѣ, по которому пираты сновали по всѣмъ направленіямъ. Добыча доставалась сравнительно легко, спросъ на товаръ былъ всегда хорошій, а потому не мудрено, что разбойничьи инстинкты туркменъ и сосѣднихъ съ ними киргизовъ не имѣли предѣловъ и проявлялись иногда въ ужасающихъ размѣрахъ и смѣлыхъ формахъ. Наболѣе дерзкимъ, если не сказать наглымъ, проявленіемъ разбойничьихъ инстинктовъ можетъ служить фактъ увоза изъ Оренбурга въ плѣнъ вдовы одного казачьяго офицера, пріѣхавшей въ городъ наканунѣ пріѣзда туда Государя Императора Александра I въ 1824 г. Въ городѣ было масса войска, вся полиція была на ногахъ и тѣмъ не менѣе коннымъ киргизамъ удалось захватить врасплохъ офицершу, связать ее по рукамъ и ногамъ, перекинуть поперекъ лошади на сѣдло и увезти ее вдлавъ черезъ рѣку въ степь по направленію къ Хивѣ. Когда доложили объ этомъ происшествіи при-

бывшему на другой день въ Оренбургъ Государю, то Императоръ Александръ Павловичъ былъ, говорятъ, глубоко огорченъ этимъ несчастнымъ событіемъ, приказалъ взять дѣтей вдовы на особое положеніе, а вдову, во что бы то ни стало, выкупить отъ хивинцевъ за его, Государевъ счетъ, что и было впоследствии исполнено“ *)

Если такая дерзость могла имѣть мѣсто въ Оренбургѣ, укрѣпленномъ городѣ, то можно представить себѣ, что продѣлывали разбойники съ беззащитными персами на морѣ и на сушѣ.

Киргизы не имѣютъ понятія о правахъ личности... Въ рабство обращаются всѣ плѣнные, взятые не только при внѣшнихъ столкновеніяхъ, но даже просто пойманные среди мирныхъ занятій иноплеменники. Всякій принадлежащій другому роду киргизъ считался иноплеменникомъ и потому могъ попасть въ рабство. (Костенко, 37).

*) Захарьинъ, Графъ Перовскій и его зимній походъ въ Хиву, стр. 14.

Даже караваны, сопровождаемые значительными отрядами не были гарантированы отъ нападенія, а увозъ плѣнныхъ съ линіи никогда не прекращался. „На Каспійскомъ морѣ ежегодно ловилось до 200 человекъ русскихъ, которые и продавались на рынкѣ въ Хивѣ. На выкупъ нашихъ плѣнныхъ въ пограничной комиссіи находилась особая сумма, въ 1826 г. доходившая до 21.289 р. Дерзость хищниковъ не знала предѣловъ. Весною 1836 г. былъ захваченъ смотритель Энбескихъ водъ, а осенью—командиръ четырехъ пушечнаго бота со всею командою, съ орудіями и со плюскою. Полагаютъ, что число нашихъ плѣнныхъ въ это время въ одной Хивѣ доходило до 2 тыс. душъ, да вдвое или втрое противъ этого числа погибло при захватѣ, или отъ изнурительныхъ работъ во время неволи“... „Въ 1836 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о задержаніи на налей линіи, а также и въ Астрахани всѣхъ хивинскихъ подданныхъ, съ тѣмъ,

чтобы вынудить освобождение наших плѣнныхъ у Хивы. Вслѣдствіе такого распоряженія, въ слѣдующемъ году въ ноябрѣ было возвращено хивинцами нашихъ плѣнныхъ только 25 человекъ и то людей престарѣлыхъ, негодившихся имъ на работы. За освобождение этихъ плѣнныхъ были возвращены нами 5 хивинцевъ и повторено требованіе хану возвратитъ *всѣхъ* русскихъ изъ неволи. Въ 1838 г. прислано изъ Хивы еще 5 человекъ русскихъ и то не отъ хана, а отъ одного купца, родственники котораго были задержаны въ Оренбургѣ. Хивинцамъ снова подтверждено было возвратитъ *всѣхъ* русскихъ плѣнныхъ. Въ августѣ 1839 г. въ Оренбургѣ появились хивинскіе посланцы, которые привели съ собою 80 человекъ русскихъ, изъ которыхъ 32 человека взяты были съ Каспійскаго моря весною того же года и по наивному выраженію хана, въ письмѣ, составляли *его долю*, полученную имъ въ видѣ подати отъ

морскихъ разбойниковъ (всего на Каспійскомъ морѣ было захвачено тогда 150 чел.)¹⁾.

III.

„Въ доброе старое время“ жизнь была однообразнѣе и суровые были нравы. Въ Хивѣ, какъ и во всей Средней Азіи, по словамъ Вамбери, обончательно не знаютъ, что такое жестокость; безчеловѣчное обращеніе считается здѣсь совершенно естественнымъ, такъ какъ оно согласно съ обычаями, закономъ и религіей. Достаточно было взглянуть на женщину, закрытую покрываломъ, чтобы быть казненнымъ: мужчину вѣшали, а женщину по поясъ зарывали въ землю и затѣмъ побивали камнями. Но такъ какъ въ Хивѣ нѣтъ камней, то для этого употребляли кезеки (гвердые куски земли), при третьемъ ударѣ несчастная покрывается пылью и окровавленное тѣло страшно обезображивается (Путеш. по Средней Азіи, 123). Если такъ

¹⁾ Костенко, стр. 111, 113, 119.

поступали при обычныхъ условіяхъ, что же можно было ожидать при условіяхъ военнаго времени.

Незадаваясь цѣлью описывать всѣ формы жестокости, практиковавшіяся въ Средней Азіи, я ограничусь лишь приведеніемъ нѣсколькихъ историческихъ фактовъ и рассказовъ Вамбери—очевидца.

Городъ Исфаганъ перебилъ трехтысячный гарнизонъ Тамерлана, за что послѣдній велѣлъ перебить все населеніе города въ 70 тыс. душъ и изъ этого количества череповъ была воздвигнута пирамида, какъ памятникъ мести. Эготъ историческій фактъ послужилъ художнику Верещагину темой для созданія своей знаменитой картины—Апофеозъ войны. Тотъ же герой въ своемъ индійскомъ походѣ „несмѣтное множество плѣнныхъ препятствовало быстрымъ его переходамъ и потому онъ велѣлъ изрубить сотни тысячъ этихъ несчастныхъ“ *).

*) Вамбери, Исторія Бохары, 210.

При взятіи Сиваса Тамерланъ велѣлъ плѣнныхъ христіанскихъ рыцарей, бывшихъ на службѣ у Баязида, зарывать живыхъ по десяти въ одну могилу, а магометанское населеніе города истребить поголовно“.

Такіе же жестокіе права унаслѣдовало и ХІХ столѣтіе отъ предшествующихъ вѣковъ, въ чемъ прежде другихъ горькимъ опытомъ убѣдились англичане. Предпринятый Россіей въ 1839 г. походъ въ Хиву для принужденія хана силою оружія выдать всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и предоставить караванной торговлѣ нашей полную свободу, вызвалъ въ англичанахъ опасеніе за судьбу своихъ индійскихъ владѣній и для предупрежденія дальнѣйшаго поступательнаго движенія русскихъ они предприняли рядъ мѣръ, печально кончившихся для нихъ: въ 1841 г. почти всѣ англичане, находившіеся въ Кабулѣ (до 18 тыс. челов.) были вырѣзаны и почти той же участи подверглись англійскіе аген-

ты посланные Конноли въ Кокандъ, Абботъ и Шекспиръ въ Хиву и Стодартъ—въ Бухару для противодѣйствія Россіи. Послѣ продолжительныхъ и жестокихъ мученій первый и послѣдній были обезглавлены въ Бухарѣ, а Абботу и Шекспиру едва удалось спастись бѣгствомъ въ Россію избитыми и изувѣченными. Стодартъ своимъ независимымъ образомъ дѣйствій сразу навлекъ на себя гнѣвъ Эмира Насруллаха и онъ былъ на второй же день брошенъ въ отвратительную тюрьму“. Какъ тигръ съ своей вѣрной добычей, говоритъ Вамбери, ¹⁾ такъ Эмиръ игралъ съ несчастнымъ офицеромъ: то приказывалъ терзать его въ тюрьмѣ невыносимыми муками, то освобождалъ и осыпалъ почестями, смотря по извѣстіямъ о положеніи англичанъ въ Афганистанѣ. Вырвать эту жертву изъ когтей кровожаднаго тирана не удалось ни просьбамъ султана, меккскаго шерифа, персидскаго шаха и сосѣд-

¹⁾ Исторія Бохары, т. II, стр. 159.

нихъ князей, ни даже посредничестве Россіи. Стодартъ, принуждаемый къ принятію ислама, но публично отвергшій ученіе арабскаго пророка, сохранилъ свою стоическую англійскую натуру въ продолженіи почти 4 лѣтъ, среди пытокъ и униженій всякаго рода... Конноли, человекъ съ благородными и нѣжными чувствами, съ душою, проникнутою самыми чистыми христіанскими идеями, мечтавшій объ освобожденіи всѣхъ рабовъ Азіи—долженъ былъ вступить въ переговоры съ черными коршунами на Средне-Азіатскихъ престолахъ“!

Въ Хивѣ ему предшествовали Абботъ и Шескпиръ въ человеконлюбивой миссіи для освобожденія русскихъ невольниковъ, онъ былъ дружески принятъ въ Кокачдѣ Алханъ-Кули ханомъ, но его усилія въ политикѣ были также безплодны, какъ и его гуманное стремленіе въ вопросѣ объ эмансипаціи рабовъ. У воинственныхъ узбековъ рабы и каналы для орошенія равно

необходимые предметы для добы-
ванія насущнаго хлѣба... Конноли
сначала отправился въ Кокандъ,
но затѣмъ Насруллохъ обманомъ
завлекъ его къ себѣ, арестовалъ и
подвергъ участи Стодарта. Трудно
передать тѣ мученія, которыя пе-
реносили эти несчастные въ про-
долженіи полугода въ гнилой, сы-
рой и темной норѣ, въ холодъ и
сырость прикрытые только жал-
кимъ рубищемъ, усыпанные червями
при отвратительномъ продоволь-
ствіи и въ постоянномъ страхѣ
смерти. Русская миссія, находив-
шаяся въ то время въ Бухарѣ,
много хлопотала за несчастныхъ,
но успѣха не имѣла и послѣдніе
были казнены 17 іюня 1842 г.
(Вамбери, исторія Бохары, т. II,
стр. 162. Почти одновременно съ
двумя упомянутыми англичанами,
были казнены въ Бухарѣ еще нѣ-
сколько другихъ европейцевъ:
итальянцы Ормондо и Назелли,
грекъ Іосифъ и англичанинъ Ви-
буртъ.

Такимъ гостепріимствомъ отли-

чалась Бухара не такъ еще давно и Вамбери не побоялся пойти въ эту страну и только рѣдкое присутствіе духа, находчивость и тонкое знаніе духовной жизни мусульманъ спасли его отъ мучительной казни, если бы его инкогнито было раскрыто.

Съ караваномъ возвращающихся изъ Мекки туркестанскихъ богомольцевъ Вамбери, проф. въ отрешьяхъ дервиша и съ нищенской котомкой за плечами, 13 апрѣля 1863 г. впервые вступилъ на туркменскую землю Тумудовъ въ Гюмюштепе. Здѣсь онъ прожилъ нѣсколько времени, собираясь въ дальній путь къ Хивѣ черезъ Великую пустыню и на первыхъ же порахъ очутился въ самомъ центрѣ зарожденія невольничества: видѣлъ какъ забираютъ людей въ плѣнъ, какъ обращаютъ ихъ въ рабовъ и какъ торгуютъ ими.

Главный жизненный интересъ для туркмена, говоритъ Вамбери, составляетъ аламанъ, т. е. хищническое общество, или чапао—на-

бѣгъ. Туркмень всегда готовъ, по первому приглашенію, взяться за оружіе и сѣсть на коня, чтобы принять участіе въ набѣгѣ, кажемся ему выгоднымъ. Планъ такого предпріятія держится всегда въ тайнѣ даже отъ ближайшихъ родственниковъ; послѣ избранія сердара (предводителя) и благословенія муллы, по наступленіи вечера, участвующіе отправляются на сборный пунктъ по различнымъ дорогамъ. Они нападаютъ всегда или въ полночь, если идутъ на населенное мѣсто, или съ восходомъ солнца, когда нападаютъ на караванъ или непріятельское войско. Какъ древніе гунны и татары, туркмены накидываются на свою добычу врасплохъ, отдѣльными отрядами и съ нѣсколькихъ сторонъ въ одно время; рѣдко нападаютъ они на одного врага три раза сряду, и у нихъ даже есть пословица: „Два раза пытайся, а на третій ворочайся“. Застигнутый врасплохъ, непріятель долженъ быть очень стоекъ или очень увѣ-

ренъ въ превосходствѣ своихъ силъ, чтобъ устоять; съ персіянами это рѣдко случается. Мнѣ разсказывали туркмены, что часто одинъ беретъ въ плѣнъ 4—5 персіянъ. „Часто случается“, сказалъ мнѣ одинъ изъ кочевниковъ, „что персіяне отъ сильнаго испуга кидаютъ оружіе, требуютъ отъ насъ веревокъ и связываютъ другъ друга; намъ остается только сойти съ лошади и связать послѣдняго“. Не говоря о недавнемъ пораженіи, которое потерпѣли 22 тысячи персіянъ отъ пяти тысячъ туркменъ, можно положительно признать за фактъ, что сыны пустыни имѣютъ сильный перевѣсъ надъ иранцами; я почти увѣренъ, что тутъ большую роль играетъ извѣстный намъ изъ исторіи страхъ передъ татарами съвера: онъ лишаетъ мужества даже самыхъ смѣлыхъ. А какъ дорого приходится платиться, между тѣмъ, за эту трусость, и какъ счастливы падающіе въ такой свалкѣ! Струсившему и отдавшемуся на милосердіе туркмена скру-

чиваютъ руки и одинъ изъ всадниковъ или сажаетъ его позади себя на лошадь и связываетъ ему при этомъ ноги подъ брюхомъ животнаго, или же гонитъ его предъ собою. Когда же это оказывается невозможнымъ, то плѣнника привязываютъ къ хвосту лошади, и такимъ образомъ, въ теченіе многихъ часовъ и даже дней, несчастный долженъ слѣдовать за разбойникомъ на пустынную его родину... Здѣсь же я не могу не рассказать про одну сцену, свидѣтелемъ которой я былъ въ Гюмюштеце, и которая никогда не изгладится изъ моей памяти. Аламанъ возвратился домой съ богатою добычей: съ большимъ количествомъ плѣнниковъ, лошадей, ословъ, рогатаго скота и разной другой движимости. Приступили къ дѣлежу. Раздѣлили добычу на столько частей, сколько было участниковъ въ грабежѣ, и, кромѣ того, оставили въ серединѣ еще одну часть въ видѣ запаса, какъ я послѣ замѣтилъ. Послѣ этого хищники, одинъ

за другимъ, стали осматривать достаршуюся каждому часть; одинъ былъ доволенъ, другой тоже, но третій, осматривая зубы доставшейся ему персіянки, замѣтилъ, что его часть слишкомъ мала. Тогда предводитель взялъ изъ запасной кучи первое, что попало: оказалось осленокъ. Онъ поставилъ его рядомъ съ персіянкой, сдѣлали общую оцѣнку и туркменьъ остался доволенъ. Это повторялось нѣсколько разъ; хотя меня и возмущала подобная безчеловѣчность, но я не могъ не смѣяться надъ выходившимъ иной разъ комическимъ сопоставленіемъ разныхъ частей добычи (стр. 276—8).

„Я былъ очень удивленъ“, продолжаетъ Вамбери, что туркмены, несмотря на все свое гостепріимство, успѣли уже опротивѣть многимъ изъ моихъ спутниковъ, даже самымъ бѣднымъ. „Нѣтъ никакой возможности“, говорили они, „видѣть ихъ жестокое обращеніе съ несчастными персидскими невольниками. Правда, что

персіяне—еретики и что въ ихъ странѣ мы много натерпѣлись, но то, что выносятъ эти несчастные здѣсь, превосходитъ всякую мѣру“. Мои китайско-татарскіе спутники, на родинѣ которыхъ нѣтъ торговли рабами, выражали большое состраданіе къ плѣннымъ персамъ и осыпали проклятіями безчеловѣчныхъ каракчи при видѣ тѣхъ мукъ, которыя претерпѣвали несчастные невольники. Чего не почувствуетъ персіанинъ, будь онъ самый жалкій бѣднякъ, когда ночью нападуть на него каракчи и, покрытаго тяжкими ранами, увлекутъ далеко отъ родной семьи! Платье его замѣнятъ лохмотьями, едва прикрывающими тѣло, ноги закуютъ въ тяжелыя цѣпи, невыносимо терзающія при малѣйшемъ движеніи, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней, а иногда и нѣсколькихъ недѣль, стануть кормить самою дурною пищей. На ночь, чтобы сдѣлать невозможною даже самую попытку къ побѣгу, надѣнутъ на него желѣзный ошейникъ съ цѣпью и прикрѣпятъ ее

къ колодѣ, чтобы она изобличала своимъ бряцаньемъ малѣйшее его движеніе. Конецъ мученьямъ настанетъ только тогда, когда родственники внесутъ выкупъ, или туркмены отправятъ его на продажу въ Хиву или Бахару“.

Умѣніе выпытать у плѣннаго, на что можетъ рассчитывать его владѣлецъ, составляетъ особое искусство.

Бѣдный невольникъ присланъ былъ къ Кулхану потому, что послѣдній славился своимъ умѣньемъ вывѣдывать у плѣнниковъ, есть-ли у ихъ родственниковъ средства для выкупа или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ несчастныхъ отправляютъ обыкновенно на продажу въ Хиву; если же у нихъ окажутся богатые родные, то туркмены требуютъ выкупа, назначая при этомъ сумму, какую имъ вздумается. Хитрый персіянинъ даже въ несчастіи старается скрыть свои дѣйствительныя средства и до тѣхъ поръ подвергается всевозможнымъ истязаніямъ, пока родные, тронутые его жалоб-

ными посланіями, не внесутъ выкупа, какой только позволяютъ имъ средства. Въ противномъ случаѣ, при продажѣ въ Хивѣ, за невольника можно получить очень мало, и этотъ исходъ невыгоденъ для обѣихъ сторонъ. (стр. 66).

Всѣ думаютъ, продолжаетъ Вамбера, что туркменъ похищаетъ и продаетъ персіянина потому только, что тотъ принадлежитъ къ ненавистной ему сектѣ шитовъ. Это большая ошибка, и я твердо убѣжденъ, что туркменъ навѣрное бы удовлетворилъ своей страсти къ грабежу, разрѣшаемому ему дебомъ (обычаемъ), если-бы вмѣсто перса сосѣдомъ его былъ сунитъ-турокъ. Доказательствомъ тому могутъ служить его частые набѣги на сунитскій Афганистанъ, на Маймене, Хиву, даже на Бухару; я впоследствии убѣдился, что большая часть невольниковъ въ Средней-Азіи — сунниты. Разъ я спросилъ одного хищника, извѣстнаго набожностью, какъ онъ рѣшается продавать своего единовѣрца въ неволю, вопреки

постановленію пророка, которое гласитъ, что каждый мусульманинъ свободенъ. „Бехей!“ отвѣчалъ онъ хладнокровно, — „коранъ, книга Божія, конечно, благороднѣе человѣка, а все-таки покупается и продается за нѣсколько крановъ. Да чего же тебѣ еще больше; Юсуфъ, сынъ Якуба, *) былъ пророкъ, а между тѣмъ его тоже продали; чтожь, повредило это ему чѣмъ нибудь?“ (ст. 24).

Нужно удивляться, съ какою легкостью туркмены захватываютъ персовъ и какъ послѣдніе безъ борьбы сдаются первымъ. Одинъ изъ туркменъ, у которыхъ гостилъ Вамбери, отправился за добычей одинъ, даже не на конѣ и не только взялъ въ плѣнъ трехъ персовъ, но еще цѣлыхъ восемь миль велъ ихъ за собою. За успѣшную охоту, туркменъ подарилъ дервишамъ десятую часть стоимости добычи, что составило по два брана (бранъ около

*) Библейское сказаніе про Іосифа, сына Якова.

18 коп.) на каждого. Такъ возмутительно дешево былъ этотъ живой товаръ!

Въ другомъ случаѣ, разбойники, проѣхавъ милю отъ Кара-Геде, пристали въ челнокѣ къ персидской деревнѣ, какъ будто для покупокъ. Торговъ былъ скоро заключенъ, и едва ничего неподозрѣвавшіе персы показали со своимъ товаромъ на берегу моря, ихъ связали по рукамъ и ногамъ, по шею зарыли въ ихъ же собственную пшеницу и привезли въ Гюмюштепе. При мнѣ выгружали этихъ несчастныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ опасно раненъ, и я слышалъ, что сами туркмены называли этотъ поступокъ постыднымъ.

Невольниковъ обыкновенно сгоняютъ на Атрекъ гдѣ ихъ пытаются.

Одно имя Атрека, придаваемое рѣкѣ и всей прилегающей къ ней мѣстности, наводитъ необыкновенный страхъ на несчастныхъ жителей Мазендерана и Таберистана.

персіянинъ только въ сильномъ гнѣвѣ рѣшается на страшныя слова: „чтобы тебѣ попасть въ Атрекъ“. (Стр. 59).

Здѣсь же, въ Атрекѣ, въ палаткѣ одного знатнаго туркмена, Кочакъ-хана, встрѣтилъ я, говоритъ В., бывшаго матроса мор. станціи въ Ашурѣ. Мы зашли къ нему во время послѣобѣденнаго отдыха, и какъ только я, въ качествѣ руми (османли), былъ представленъ хозяину, онъ тотчасъ же сказалъ мнѣ: „я хочу доставить тебѣ удовольствіе, зная ваши отношенія къ русскимъ: ты сейчасъ увидишь одного изъ твоихъ злѣйшихъ враговъ, обремененнаго цѣпями“. Я долженъ былъ сдѣлать видъ, что это доставитъ мнѣ величайшую радость. Привели несчастнаго русскаго въ тяжелыхъ цѣпяхъ; его болѣзненный, печальный видъ сильно тронулъ меня, и я боялся измѣнить себѣ. „Что бы ты сдѣлалъ съ этимъ эфенди“, спросилъ Кочакъ-ханъ плѣнника, „если бы ты его встрѣтилъ въ Россіи? Поди,

облобызай ему ноги“. Бѣдный русскій хотѣлъ уже приблизиться ко мнѣ, но я предупредилъ его, сказавъ, что совершилъ сегодня обрядъ великаго омовенія (Гуслъ—великое омовеніе) и не хочу осквернять себя прикосновеніемъ этого невѣрнаго. Я прибавилъ, что мнѣ было бы пріятнѣе, если бы онъ ушелъ поскорѣй съ моихъ глазъ, такъ какъ народъ этотъ мнѣ противенъ. Невольнику дали знакъ, чтобъ онъ вышелъ. Онъ удалился, бросивъ на меня пристальный взглядъ. Какъ я узналъ послѣ, этотъ былъ одинъ изъ тѣхъ двухъ матросовъ, которыхъ каракчи захватили нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одинъ изъ ночныхъ набѣговъ. Другой плѣнникъ умеръ въ неволѣ назадъ тому около года. (Стр. 69—70).

Никакъ не могъ я привыкнуть къ бряцанью цѣпей, раздававшемуся въ палаткѣ cadaго туркмена, имѣвшаго претензію на почетъ и значеніе. У нашего Хондшана были тоже два невольника, кото-

рымъ было лѣтъ по восемнадцати или двадцати. Видѣть цвѣтущихъ юношей, закованныхъ въ цѣпи, мнѣ всегда было ужасно больно, а я къ тому долженъ былъ еще осыпать этихъ несчастныхъ ругательствами и насмѣшками; малѣйшее изъявленіе состраданія могло возбудить противъ меня подозрѣніе, тѣмъ болѣе, что они заговорили со мной, зная, что я говорю по персидски. Младшій изъ невольниковъ нашего хозяина, красивый иранецъ съ черными вьющимися волосами, просилъ меня написать къ его родителямъ письмо; именемъ Бога умолялъ онъ ихъ продать овецъ и домъ, чтобы выкупить его. Разъ какъ-то, будучи увѣренъ, что насъ никто не увидитъ, вздумалъ я дать чашку чая; по несчастью, въ ту минуту, какъ онъ протянулъ къ ней руку, кто-то вошелъ въ палатку. Я сдѣлалъ видъ, что поддразниваю его, и вмѣсто того, чтобы дать несчастному обѣщанную чашку, долженъ былъ слегка ударить его нѣсколь-

ко разъ. Во время пребыванія моего въ Гюмюштепе не проходило ночи, чтобы съ морского берега не раздавалось выстрѣла, возвѣщающаго возвращеніе разбойничьяго судна съ добычей. Утромъ я отправлялся обыкновенно къ счастливому герою съ требованіемъ подобающей дервишамъ десятины, но въ сущности для того, чтобъ увидать бѣдныхъ персіянъ, въ первыя минуты ихъ несчастія. Сердце мое обливалось кровью при видѣ ужаснаго зрѣлища. Такъ пришлось мнѣ привыкать, мало-по-малу, къ рѣзкимъ противорѣчіямъ между добродѣтелью и порокомъ, между человѣколюбіемъ и тираніей, щепетильною честностью и отъявленнымъ мошенничествомъ,—къ противорѣчіямъ, которыя на Востокѣ можно встрѣтить вездѣ, но всего чаще въ Средней Азіи, въ особенности же тамъ, гдѣ исламъ, столь губительно дѣйствующій на общественную жизнь, посвялъ сѣмена своей ложной цивилизаціи. (Г. Вамбери. Путешествіе по Средней Азіи, стр. 51—53).

V.

Пройдя Великую пустыню, Вамбери подошелъ къ Хивѣ—этому ужасному гнѣзду своеволия и безправія, гдѣ властвовалъ „свирѣпый ханъ“, въ каждой чертѣ котораго видѣнь взбалмошный, развратный и дикій тиранъ; онъ имѣлъ обыкновеніе обращать въ рабство всѣхъ подозрительныхъ иностранцевъ; на одного индостанскаго князя онъ надѣлъ цѣпи и заставилъ его вмѣстѣ съ другими рабами возить артиллерійскія орудія. При этихъ воспоминаніяхъ, профессору Вамбери начала измѣнять его обычная стойкость, но встрѣча простонародія при въѣздѣ на базаръ весьма тронула и успокоила его: ему цѣловали руки и ноги, даже лохмотья одежды, точно онъ

былъ какой нибудь великій святой.

Персы въ Хивѣ, говоритъ Вамбери, или рабы, которыхъ теперь около 40.000, или освобожденные отъ рабства; кромѣ того, они образуютъ небольшую колонію въ Акдербендѣ и Дшамли. Впрочемъ, рабу жить въ Хивѣ въ матеріальномъ отношеніи не дурно, такъ какъ онъ, будучи много хитрѣе узбека, скоро обогащается. Многіе предпочитаютъ, откупившись на волю, оставаться жить въ Хивѣ, чѣмъ возвращаться въ Персію. Взрослаго раба въ Хивѣ называютъ *догма*, ребенка же—*ханезадъ*, т. е. рожденный дома. Позоръ быть невольникомъ снимается только въ третьемъ поколѣніи. (Вамбери, стр. 306).

На паружномъ дворѣ ханскаго дворца, Вамбери увидѣлъ 300 военно-плѣнныхъ чаудоровъ (туркменское племя); покрытые лохмотьями, измученные страхомъ смерти и голодомъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, несчастные походили на мертвецовъ, вставшихъ изъ гробовъ.

Они были уже раздѣлены на двѣ группы: одни, не достигшіе еще сорокалѣтняго возраста, назначались въ продажу или въ подарокъ, другіе же считавшіеся, вслѣдствіе положенія или старости, аксакалами (сѣдобородами предводителями), должны были подвергнуться наказанію по опредѣленію хана. Первыхъ сковали по 10 и 15 человекъ вмѣстѣ и увели; послѣдніе, покорные своей участи, ожидали приговора; палачи пришли и потащили ихъ точно такъ же, какъ таскаютъ перелязанныхъ ягнятъ. Въ то время, какъ многихъ повели на висѣлицу или въ темницу, 8 старцевъ легли навзничъ по одному знаку палача. Связавъ ихъ по рукамъ и ногамъ, палачъ выкололъ имъ глаза. Всякій разъ, послѣ такой операціи, онъ становился на грудь ослѣпленнаго и обтиралъ объ его сѣдую бороду свой окровавленный ножъ. Ужасно было видѣть, какъ эти жертвы послѣ мучительнаго наказанія, освободившись отъ веревокъ, старались

приподняться, ощупывая руками окружающіе ихъ предметы. Одни ударялись головами другъ объ друга, другіе падали безъ чувствъ на землю и испускали глухой стонъ. Одно воспоминаніе объ этомъ всякій разъ, до конца моей жизни, будетъ приводить меня въ содроганіе (стр. 121). Ханъ принялъ Вамбери весьма благосклонно и пожаловалъ ему нѣсколько копѣекъ на продовольствіе, за полученіемъ коихъ онъ отправился къ ханскому министру финансовъ.

„Я засталъ казначея за такимъ страннымъ занятіемъ, говоритъ Вамбери, о которомъ считаю нужнымъ рассказать. Онъ сортировалъ халаты, которые посылались въ лагерь въ награду героямъ. Это были шелковые яркіе кафтаны съ большими цвѣтами, вытканными золотомъ, четырехъ сортовъ: ихъ называли здѣсь четырехъ, двѣнадцати, двадцати и сорокаголовыми кафтанами. Такъ какъ на нихъ не было ни нарисованныхъ, ни вытканыхъ головъ, то я и спросилъ

о причинѣ такого страннаго названія; мнѣ отвѣтили, что простые кафтаны назначаются въ награду за 4 отрубленные непріятельскія головы, самые же красивые—за сорокъ. „Впрочемъ“, сказалъ мнѣ одинъ изъ присутствовавшихъ, „если у васъ въ Румѣ нѣтъ такого обычая, то приходи завтра на главную площадь смотрѣть на раздачу“. Дѣйствительно, на другой день прибыли изъ лагеря 100 всадниковъ, всѣ въ пыли. Каждый изъ нихъ велъ плѣнныхъ, между которыми были дѣти и женщины, привязанныя или къ хвосту лошади, или къ лукъ. Къ каждому сѣдлу было привязано по мѣшку съ отрубленными непріятельскими головами, которыя служили доказательствомъ геройскихъ дѣлъ всадника. Прибывъ на площадь, всадникъ дарилъ плѣнныхъ хану или какому-нибудь вельможѣ, затѣмъ развязывалъ мѣшокъ, бралъ его за два угла и къ ногамъ пріемщика высыпалъ, какъ картофель, головы съ бородами и безъ бородъ,

101

Слуги сталкивали ихъ ногами въ одно мѣсто, гдѣ скоро образовалась большая куча изъ нѣсколькихъ сотенъ головъ. Каждый герой получалъ квитанцію въ доставленныхъ головахъ, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого слѣдовала уплата^a (стр. 123—124).

Изъ Хивы Вамбери отправился въ другое страшное гнѣздо невольничества—Бухару, гдѣ тоже близко ознакомился съ этимъ позорнымъ промысломъ. Онъ попалъ въ одинъ изъ каравансараевъ, замѣнявшимъ депо для торговли невольниками. Это было четырехугольное зданіе и имѣло отъ 30-ти до 35-ти келій, оно нанято тремя крупными торговцами, занимавшимися этой отвратительною спекуляціей, и обращено въ депо частью ихъ собственныхъ невольниковъ, частью полученныхъ ими на комиссію отъ туркменъ. Какъ извѣстно, каракчи не имѣютъ обыкновенія держать долго у себя захваченныхъ ими невольниковъ, а продаютъ ихъ болѣе зажиточнымъ туркменамъ; тѣ

перевозятъ несчастныхъ въ Бухару и получаютъ отъ этой транспортной торговли большія выгоды, такъ какъ товаръ достается имъ изъ первыхъ рукъ. Эти торговцы продаютъ невольниковъ, которыхъ могутъ сбыть въ первые дни своего пребыванія въ столицѣ, а остальныхъ оставляютъ маклеру (деллалу), который ведетъ настоящую оптовую торговлю. На рынкахъ въ Бухарѣ и Хивѣ продаются люди отъ 3-хъ до 60-ти лѣтняго возраста. По законамъ религіи, невольниками могутъ быть только невѣрныя. Бухарецъ, набожный только по внѣшности, не смотритъ на это и обращаетъ въ неволю не только шитовъ-персіянъ, которыхъ мулла Шемзеддинъ (1400 г.) объявилъ невѣрными, но даже и своихъ единовѣрцевъ-сунитовъ, заставляя ихъ побоями и дурнымъ обращеніемъ выдавать себя за шитовъ. Неспособенъ, т. е. недостойнъ быть невольникомъ одинъ только еврей. Это презрѣніе, впрочемъ, радуется сыновъ Израиля. Туркменъ ограбитъ

еврея, но тѣла его не коснется. ¹⁾.
Прежде исключались также и индусы, но такъ какъ въ послѣднее время многіе изъ нихъ идутъ черезъ Герать въ Бухару, то туркменскія племена текке и сарикъ установили новое правило: несчастный поклонникъ Вишну обращается сначала въ исламъ, потомъ долженъ сдѣлаться шитомъ и только два раза перемѣнивъ религію и лишившись всего состоянія, удостоивается чести сдѣлаться невольникомъ.

Назначенный къ продажѣ невольникъ мужескаго пола осматривается публично, и продавецъ долженъ поручиться, что у него нѣтъ ни тѣлесныхъ, ни нравственныхъ недостатковъ. Часъ освобожденія изъ рукъ торговца для невольника одинъ изъ самыхъ счастливыхъ;

¹⁾. Объ исключительно унижительномъ положеніи евреевъ свидѣтельствуетъ также членъ русской миссіи въ Бухару въ 1870 г., Костенко, который говоритъ, что еврей, униженъ мусульманскимъ правомъ до такой степени, что ихъ даже не позволяютъ имѣть рабами.

самое жестокое обращеніе, которое ожидаетъ его въ услуженіи, не можетъ быть такъ тяжело и мучительно, какъ время, которое онъ проводитъ въ лавкѣ въ качествѣ товара. Цѣна бываетъ различная, смотря по тому, часто или рѣдко туркмены могутъ дѣлать свои ала-маны на сосѣднія земли. Теперь (въ 1863 г.) стоитъ самая высокая цѣна: за крѣпкаго мужчину—отъ 40 до 50-ти тиллъ (около 5 рублей); послѣ пораженія персіянъ при Мервѣ, гдѣ въ одинъ разъ было взято въ плѣнъ 18.000 персидскихъ солдатъ, такого же точно человѣка можно было купить за 3 или 4 тиллы (около 40 коп.) (стр. 167—169).

Средне-Азіатская область была раздроблена на множество отдѣльныхъ независимыхъ ханствъ, которыя ограждали свои коммерческіе интересы ввозными пошлинами, какъ на товаръ, такъ и на животныхъ и рабовъ. Свободные люди не платили за себя пошлинъ, но все ихъ имущество несло большой

налогъ. На Афганской границѣ спутниковъ Вамбери и его самого заставили раздѣться, несмотря на холодное время; всѣ части одежды, за исключеніемъ рубашки, панталонъ и верхняго платья, были объявлены подлежащими пошлинѣ. За пропускъ невольниковъ въ разныхъ мѣстахъ платились неодинаковыя цѣны: въ Фемгузарѣ полагось тенге, въ Кали-Вали—5, въ Мургабѣ—15, въ Андкуѣ—20, въ Керкахъ—22 и Маймене—25 тенге (тенге—15 к.). По эгогь тарифъ часто измѣнялся, смотря по личнымъ качествамъ таможеннаго чиновника, въ смыслѣ повышенія или пониженія. Съ нимъ постоянно приходилось торговаться относительно какъ размѣровъ платы, такъ и относительно состоянія путниковъ: каждый караванбаши старался скрывать невольниковъ или выдавать ихъ за свободныхъ, чтобы подешевле купить для своей партіи право прохода черезъ таможеню.

Въ заключеніе можно привести еще нѣсколько характерныхъ при-

мѣровъ безправія, о которыхъ свидѣтельствуешь Вамбери: „въ караванѣ, какъ я замѣтилъ еще на первой станціи, находилось нѣсколько человѣкъ, стремившихся къ самымъ южнымъ предѣламъ Средней Азіи съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и я. Это были освободившіеся невольники, съ которыми мы, хаджи, располагались на привалахъ и которые рассказали намъ много печальныхъ исторій. Подлѣ меня лежалъ удрученный лѣтами отецъ, выкупившій своего тридцатилѣтняго сына, чтобы возвратить своей одинокой невѣсткѣ мужа, а внукамъ—отца. Заплативъ за него пятьдесятъ дукатовъ, бѣдный отецъ остался съ однимъ нищенскимъ посохомъ, говоря, что онъ лучше готовъ переносить бѣдность, чѣмъ видѣть сына въ цѣпяхъ. Родина его—Хафъ, въ Персіи. Недалеко отъ насъ лежалъ другой человѣкъ, уроженецъ того же города, еще довольно сильный, но уже постѣдѣвшій отъ горя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ туркмены похитили

у него жену, сестру и шесть чело-
вѣкъ дѣтей. Несчастный цѣлый
годъ разъѣзжалъ по Бухарѣ и Хи-
вѣ и разыскивалъ семью, томив-
шуюся въ рабствѣ. Послѣ долгихъ
поисковъ онъ узналъ, наконецъ,
что жена его, сестра и двое млад-
шихъ дѣтей не вынесли неволи и
умерли; изъ оставшихся же чет-
верыхъ дѣтей онъ могъ выкупить
только двоихъ: за остальныхъ—
двухъ взрослыхъ красивыхъ дѣву-
шекъ—требовали слишкомъ высо-
кую цѣну. А вотъ, невдалекѣ отъ
меня, юный герати, выкупившій
свою пятидесятилѣтнюю мать. Два
года тому назадъ она ѣхала изъ
Герата въ Гурьянъ, въ сопровож-
деніи мужа и старшаго сына; на
нихъ напали туркмены. Несчастливая
женщина видѣла, какъ защищав-
шіеся мужчины пали подъ копьями
и мечами разбойниковъ; сама же
она, послѣ долгихъ страданій, бы-
ла продана въ Бухару за 10 ду-
катовъ. Выкупить ее стоило вдвое
дороже: туркмены въ покупателѣ
узнали сына и безжалостно экспло-

атировали его сыновнее чувство. Я долженъ упомянуть еще объ одномъ несчастномъ изъ Теббесса. Восемь лѣтъ тому назадъ онъ попался въ плѣнъ, но черезъ шесть лѣтъ былъ выкупленъ своимъ отцомъ.

На пути въ отечество, въ трехъ часахъ ѣзды отъ родного города, они оба были схвачены туркменами и снова проданы въ рабство; теперь они опять освободились и возвращались на родину.

Но къ чему представлять читателю еще другія картины подобныхъ ужасовъ? Сказанное далеко не можетъ дать полнаго представленія о страшныхъ мученіяхъ, которыя претерпѣваютъ люди въ тѣхъ странахъ, особенно же въ сѣверо-восточной Персіи. Въ настоящее время (въ 1863 г.) между туркменами—текке насчитываютъ болѣе 15.000 наѣздниковъ, которые день и ночь помышляютъ о разбойничьихъ набѣгахъ; а потому легко можно себѣ представить, сколько домовъ и селеній, сколько

семеинаго счастья погибаетъ отъ
этихъ алчныхъ разбойниковъ (206).
VII.

По счастью, всѣ описанные ужа-
сы были началомъ конца стараго
режима; уже ко времени путеше-
ствія Вамбери съ сѣвера стала на-
двигаться на Среднюю Азію гроз-
ная рать, которая пядь за пядью
отвоевывала себѣ твердыни вели-
кихъ завоевателей Азіи и вводила
въ нихъ свои порядки, совершен-
но не гармонировавшіе съ господ-
ствовавшимъ тамъ безправіемъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія Вам-
бери на родину, состоялось взятіе
русскими Ташкента въ 1865 г., а
послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ зна-
менитое сраженіе 20 мая 1866 г.
при Турджирѣ между русскими и
бухарскими войсками, закончивше-
ея полнымъ пораженіемъ бухар-
цевъ, явилось великой историче-
ской драмой, пережитой Сред-
ней Азіей въ борьбѣ за свою не-
зависимость: здѣсь, по словамъ
проф. Вамбери, погибли болѣе чѣмъ
тысячелѣтняя государственная не-

зависимость Туркестанскаго края, его значеніе и вліяніе его власти на прочіе народы, а съ эгимъ вмѣстѣ и все дѣло Ислама въ Центральной Азіи...

Отъ русскихъ успѣховъ въ Центральной Азіи Исламъ вообще получилъ опаснѣйшую рану, какую до сихъ поръ въ состояніи былъ нанести ему Крестъ въ продолженіи болѣе чѣмъ тысячелѣтней борьбы.

Несмотря на всю тяжесть пораженія, бухарцамъ и ихъ соплеменникамъ все еще не вѣрилось въ безвозвратную гибель ихъ національнаго дѣла. Они забыли, что „на азіатской землѣ до сихъ поръ еще не попадались русскіе слѣды въ обратномъ направленіи, т. е. съ юга на сѣверъ“, и продолжали борьбу, носившую уже характеръ партизанской войны. Столкновенія продолжались въ предѣлахъ нынѣшнихъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской и отчасти Ферганской областей.

Черезъ два года послѣ Гирджир-

скаго сраженія, 14 мая 1868 года лучшая часть Трансоксаніи съ ея столицей Самаркандомъ оказались во власти Россіи. По этому поводу Вамбери замѣчаетъ, что Александръ Македонскій былъ ея первымъ завоевателемъ, а Русскій Императоръ Александръ II, сдѣлался ея послѣднимъ завоевателемъ.

Болѣе чѣмъ за 2000 (точнѣе 2200) лѣтъ Самаркандъ должникъ небольшой земли на югѣ Европы (Македоніи), опять попалъ во власть той же самой части свѣта, и если вспомнимъ, что вытерпѣлъ этотъ городъ отъ грековъ, арабовъ, турокъ, монголовъ и узбековъ въ жаркихъ битвахъ столь многихъ и различныхъ династій, то, по истинѣ, трудно будетъ найти второе мѣсто въ Азій, которое можно было-бы сравнить съ нимъ по свѣтлымъ и бурнымъ днямъ его прошлаго.

Потеря такого значительнаго пункта, и особенно послѣдовавшее вскорѣ новое пораженіе на Зира-

булакскихъ высотахъ, заставило тогдашняго Эмира Бухарскаго Музаферъ Эддина смириться и пойти на значительныя уступки и заключить съ Россіей дружественный договоръ.

За послѣдующія 5 лѣтъ произошло еще нѣкоторое расширение русской территоріи въ Средней Азіи и во всѣхъ вновь завоевываемыхъ странахъ немедленно уничтожалось невольничество и освобождались рабы.

Бѣглецы невольники находили покровительство въ русскихъ владѣніяхъ. По этому поводу одинъ изъ членовъ русской миссіи въ Бухару въ 1870 г., Л. Костенко, пишетъ слѣдующее. Прежде въ Бухарѣ существовалъ невольничій базаръ, на которомъ персіяне и персіянки продавались какъ вьючная скотина. Но, съ занятіемъ русскими Самарканды, когда множество рабовъ бѣжали изъ Бухары въ этотъ городъ, гдѣ они были освобождены русскимъ правительствомъ, невольничій рынокъ въ Бухарѣ упразднился

изъ опасенія цокупщиковъ, что купленное добро можетъ сбѣжать. И теперь въ Бухарѣ насчитываютъ еще до десяти тысячъ рабовъ и, нѣтъ никакого сомнѣнія, что они изо-дня въ день ждуть своего избавленія. Во время нашего пути изъ Бухары, не доходя до кишлака Миръ, мы встрѣтили мальчика, который велъ двухъ верблюдовъ. Поровнявшись съ миссіею, онъ закричалъ раздирающимъ душу голосомъ: „русскіе, я рабъ, освободите меня“! Сопровождавшій насъ бухарскій чиновникъ громко расхохотался на возгласъ малютки, слова котораго болѣзненно отозвались въ сердцѣ cadaго изъ насъ; но, увы! мы ничего не могли сдѣлать для него и только украдкою бросили ему нѣсколько монетъ *).

И, дѣйствительно, дни невольничества въ Средней Азіи были сочтены. Ген.-ад. Кауфманъ освобождалъ не только бѣглыхъ рабовъ, искавшихъ спасенія въ русскихъ

*) Путешествіе въ Бухару русской миссіи въ 1870 г., стр. 94.

владѣніяхъ, но воспользовался также своими побѣдами надъ хивинцами и бухарцами, чтобы потребовать отъ новыхъ вассаловъ Россіи не только уничтоженія ими у себя невольничества, но и освобожденія томившихся въ цѣпяхъ рабовъ, а также воспрещенія своимъ подданнымъ на будущее время заниматься этимъ промысломъ.

Въ военной исторіи Россіи 1873 г. является весьма знаменательнымъ: долго сопротивлявшееся Хивинское ханство, 29 мая упомянутаго года было покорено, часть его присоединена къ прежде завоеваннымъ землямъ Сыръ-Дарьинской области, часть была прирѣзана къ Бухарскому ханству, а оставшаяся часть предоставлена побѣжденному Хивинскому хану, который вновь былъ призванъ управлять своими владѣніями съ предоставленіемъ ему нѣкоторой свободы во внутреннихъ дѣлахъ и съ полнымъ ограниченіемъ во внѣшнихъ сношеніяхъ. Побѣдитель потребовалъ немедленно уничтоженіе невольни-

чества на вѣчныя времена, что и было исполнено ханомъ манифестомъ, приведеннымъ въ началѣ настоящаго очерка. Манифестъ этотъ вошелъ въ послѣдствіи въ дружественный договоръ, заключенный 12 августа 1873 г. ген. Кауфманомъ съ Хивинскимъ ханомъ, остающійся въ силѣ до настоящаго времени.

Почти одновременно съ этимъ и такого же характера дружественный договоръ былъ заключенъ 28 сен. 1873 г. и съ Эмиромъ Бухарскимъ, причемъ послѣдній тоже обязался уничтожить въ своихъ владѣніяхъ невольничество на вѣчныя времена. 17 статья упомянутаго договора гласитъ слѣдующее:

„Въ угоду Государю Императору Всероссійскому и для вящей славы Его Императорскаго Величества, Высокостепенный Эмиръ Сейдъ Музафферъ, постановилъ: отнынѣ въ предѣлахъ бухарскихъ прекращается на вѣчныя времена постыдный торгъ людьми, противный законамъ человеколюбія. Сог-

ласно съ этимъ постановленіемъ, Сеидъ Музафферъ нынѣ же разсылаетъ ко всѣмъ своимъ бекамъ строжайшее въ этомъ смыслѣ предписаніе. въ пограничныя же города бухарскіе, куда приводятся изъ сосѣднихъ странъ невольники, для продажи бухарскимъ подданнымъ, пошлется, кромѣ упомянутого предписанія о прекращеніи торгова невольниками, еще и повелѣніе о томъ, что если, вопреки приказанію Эмира, будутъ туда привозиться невольники, то таковыхъ отобрать отъ хозяевъ и немедленно освободить“.

Такъ закрылись два главныхъ невольничьихъ рынка Средней Азіи — хивинскій и бухарскій — имѣвшіе свою тысячелѣтнюю исторію. Оставалось еще закрыть и источникъ снабжавшій ихъ живымъ товаромъ въ продолженіи многихъ вѣковъ. Такимъ источникомъ служили преимущественно туркмены, сдѣлавшіе себѣ грабежи и разбои главнымъ предметомъ своего благосостоянія. Долго пришлось Рос-

сіи боротся съ ними или вѣрнѣе съ ихъ суровой природой и только 12 января 1881 г. туркменамъ было нанесено рѣшительное пораженіе и совершенно разгромлена ихъ укрѣпленная позиція въ Геокъ-Тепе. Съ этого дня всѣ туркменскія племена вошли въ составъ Россіи и подчинились ея порядкамъ.

Такимъ образомъ, „собираніе“ туркестанскихъ земель, предпринятое въ царствованіе Императора Александра II въ цѣляхъ упорядоченія товарообмѣна съ азіатскими сосѣдями и предупрежденія со стороны послѣднихъ набѣговъ и разбоевъ, косвенно содѣйствовало упраздненію невольничества, имѣвшаго въ Средней Азіи наиболѣе глубокіе корни.

Въ числѣ многихъ славныхъ дѣлъ эпохи великихъ реформъ, упраздненіе рабства въ Средней Азіи занимаетъ видное мѣсто и является яркимъ памятникомъ высокой гуманности и великодушія Царя-Освободителя.

Ст. Гулишамбаровъ.